

ЖЕНЩИНЫ В ЗИНОВЬЕВСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ЛЕНИНГРАДЕ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2018 А.Ю. Стефаненко

Санкт-Петербургский государственный университет

Статья поступила в редакцию 25.04.2018

В статье на основании личных дел зиновьевской оппозиции проводится анализ данной оппозиционной группы и прослеживаются судьбы ее участниц. Анализируется возрастной, национальный состав, данные о партийном стаже. Хронологически охватывается период от зарождения зиновьевской оппозиции в 1924 г. до смерти последней участницы в 1970 г. В начале работы рассматривается эволюция термина «зиновьевец», так как это позволяет подойти к тому, на основании чего проходила выборка для исследования. В частности, указывается на то, что в ряды зиновьевцев искусственно вводились участники других оппозиционных групп и течений, а также родственники, не принимавшие участия во фракционной работе.

Ключевые слова: внутрипартийная борьба в РКП(б)-ВКП(б), Г.Е. Зиновьев, З.И. Лилина, оппозиция, женщины, репрессии.

Вопрос о составе оппозиции, в особенности зиновьевской, в историографии обычно не затрагивается. В то же время просопографический анализ позволяет четче охарактеризовать внутрипартийную борьбу в РКП(б)-ВКП(б) 1920-1930-х гг., понять причины вхождения в нее тех или иных лиц и выделить характерные черты конкретных оппозиционных групп.

В первую очередь стоит определиться с терминологией и хронологией. Под зиновьевской или новой оппозицией подразумевают обычно группу сторонников Г.Е. Зиновьева и Л.Б. Каменева, сложившуюся накануне XIV съезда РКП(б). Сами оппозиционеры якобы прекратили свою самостоятельную деятельность весной-летом 1926 г., влившись в объединенную оппозицию. Это не соответствует действительности. Складывание зиновьевской оппозиции началось еще в 1924 г., а сама она просуществовала в форме различных фракционных течений (левые зиновьевцы, сторонники блока, независимые зиновьевцы) как минимум до 1928 г. – именно этим годом датируется последнее известное вступление в ряды зиновьевцев¹.

Сам термин «зиновьевцы» прошел несколько этапов, когда его смысл менялся. Если изначально это было обозначение студентов, обучавшихся в Комвузе им. Г.Е. Зиновьева в Ленинграде², то уже в период дискуссии с Л.Д. Троцким термин стал обозначать сторонников «Тройки» («Семерки»), а в период дискуссии на XIV съезде РКП(б) – стал маркировать меньшинство партии или «новую оппозицию». В дальнейшем зиновьевцы и троцкисты стали, по сути, синонимами, мало отличаясь друг от друга, и лишь после убийства

С.М. Кирова и начала «Кировского потока» все вновь изменилось. Теперь уже и сапроновцев, и децистов, и троцкистов, и независимые оппозиционные группировки стали обозначать как «зиновьевцев». Даже в отчетах контрольных комиссий стал появляться термин «зиновьевско-троцкистская оппозиция». К началу «Московских процессов» разница между зиновьевцами и троцкистами в очередной раз исчезла, и последний термин стал преобладающим для характеристики всех оппозиционеров.

В связи с вышеизложенным осложняется и анализ женского состава участников зиновьевской группы. Так, в число зиновьевцев в 1935 г. была зачислена и А.Л. Соколовская (Бронштейн), первая жена Л.Д. Троцкого³. Однако она никогда не входила непосредственно в число сторонников Г.Е. Зиновьева. Напротив, она возглавляла ленинградский «троцкистско-децистский блок», стоявший, если верить материалам допроса его участников, за ассимиляцию зиновьевцев⁴.

Другим уже испытанным властями способом искусственного увеличения числа зиновьевцев было присовокупление к их числу жен, сестер, матерей и других родственников оппозиционеров. Несмотря на то, что И.В. Сталин открыто заявил, что «сын за отца не отвечает»⁵, практика обвинений родственников во фракционной борьбе была типичным явлением как до декабря 1935 г., так и после. В частности, именно в связи с этим была привлечена к партийной ответственности Ю.И. Клявс-Клявина – жена Ав.Я. Клявс-Клявина. Ей вменялось в вину недоносительство на мужа-оппозиционера, а также на его братьев, тоже фракционеров⁶. При этом в первый раз комиссия исключила ее из ВКП(б), но позже восстановила, а уже через год вновь была вынуждена лишить партбилета⁷.

Стефаненко Александр Юрьевич, магистр II курса Института истории. E-mail: stisawesome1@gmail.com

Сестры Г.Е. Зиновьева – Л.А. Закс (Радомыльская) и Ф.А. Радомыльская также были включены в число участников зиновьевской оппозиции. Но ни одна из женщин не принимала непосредственного участия в антипартийной работе. Л.А. Закс даже открыто заявила, что ее обвиняют в том, что разрешала брату ночевать у себя на квартире⁸. При этом обращает на себя внимание, что ей не пытались инкриминировать связь с бывшим мужем – С.М. Закс-Гладневым.

Таким образом, можно наблюдать те сложности, которые возникли в ходе формирования данной женской выборки. В результате анализа личных дел, списков репрессированных и мартирологов в рассматриваемую группу женщин-зиновьевцев вошло 60 человек⁹. В выборку не были включены К.И. Николаева¹⁰, С.Н. Равич¹¹ и еще ряд лиц, в особенности из числа обвиняемых по делу об убийстве С.М. Кирова (родственники Л.В. Николаева), так как факт их участия в оппозиции не находит подтверждения в архивных документах или требует дополнительного уточнения.

В количественном и процентном отношении женщин среди зиновьевцев было сравнительно мало. Число сторонников Г.Е. Зиновьева можно условно определить не менее чем в 800 человек. Таким образом, можно говорить о значительном преобладании мужчин-оппозиционеров.

По этническому составу выборка распределяется следующим образом: 3 польки, 10 евреек, 1 финка (ингерманландка), 40 – русские. Национальность 5 женщин неизвестна, но исходя из фамилий можно предложить, что одна из них – еврейка, а 4 оставшихся – русские. Подобное распределение по этническому составу было в целом характерно и для всей зиновьевской оппозиции. Преобладали русские, белорусы, украинцы. На втором месте шли евреи, а затем этносы Прибалтики, Карелии и Финляндии.

Одним из важных признаков социально-демографической характеристики женщин, причисленных властями к зиновьевской оппозиции, является возраст. Анализ показал, что у 7 женщин дата рождения остается неизвестной. У 6 дата плавающая – от одного года разницы (случаи О.И. Ильиной и А.Д. Коньковой), до 4-5 лет (случаи Ю.Б. Тартаковской и А.С. Булыгиной). Причин этого три: банальные опечатки, смещение даты вследствие перехода с юлианского на григорианский календарь и «покупка» возраста. Последнее было типичной практикой. О ней свидетельствует, например, зиновьевец Г.М. Дрягзов¹². Это позволяло раньше пойти на работу, в частности, на завод.

Все они родились уже в пореформенной России и знали о крепостном строе лишь в пересказе представителей старшего поколения. Часть из них застали последствия реформ Александра II, в частности, рост социальной напряженности и

зарождение массового революционного движения. Распределение по возрасту выглядит следующим образом: 7 появились на свет в 1880-х гг., 1 – в 1870-х гг., 31 – в 1890-х гг. Оставшиеся 14 родились в 1900-е гг. Таким образом, среди участниц зиновьевской оппозиции преобладали лица, еще помнившие дореволюционную Россию и вставшие на путь борьбы с большинством ЦК РКП(б)-ВКП(б) в возрасте 20-30-ти лет. Самой старой участницей оппозиции была С.Ю. Висневская (1877 г.р.), а самой молодой – Р.М. Лазарсон (1903 г.р.).

В плане партийного стажа ситуация выглядит следующим образом. У 14 женщин данные о партстаже отсутствуют в личном деле. У Л.С. Стефановой указано два партстажа – с 1924 г. и с 1932 г. Либо это описка, либо – новый партстаж, связанный с повторным вступлением в ряды большевиков после исключения. Исходя из данных ее дел, скорее первое.

7 женщин вступили в партию большевиков еще до революции 1917 г. Это С.Ю. Висневская (1905), З.Н. Гайдерова (1905), Б.С. Канатчикова (1914), З.И. Лилина (1902), Е.М. Борьян (1907), А.Д. Конькова (1912) и Я.А. Нетупская (1906). В случае с Ю.Б. Тартаковской в партийном стаже с 1914 г. можно усомниться и, скорее всего, включить ее в число вступивших в 1917 г. Таковых было 8 человек. До ленинского призыва 1924 г. в число сторонников большевиков вошло 18 женщин. 5 человек были приняты в партию в год смерти В.И. Ленина, а 5 – еще позже. Лишь Т.В. Бурцева вступила в ВКП(б) в 1932 г.¹³

Ранжирование по социальному происхождению представляется одним из самых запутанных. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, классы в марксистском понимании – категории весьма расплывчатые. Это ясно видно из тех споров вокруг этого, которые происходили в партийной печати. Так, в «Рабочей Москве» была опубликована статья, в которой говорилось, что класса «интеллигенция» больше нет и указывать его в своих анкетах неправильно¹⁴. Во-вторых, в анкетах и воспоминаниях можно встретить и указание на таинственных «полупролетариев»¹⁵, а бывшие выходцы из крестьян могли указать свое происхождение как рабочее, ибо когда-то их родители уходили трудиться на завод или сезонные работы. При этом видно желание советских граждан скрывать свое непролетарское происхождение. Лишь немногие позволяли писать о том, что они выходцы из дворян. Так из входящих в выборку женщин поступила только З.Х. Буряго¹⁶. Абсолютно никто не писал о принадлежности к духовенству, а в числе бывших мещан оказывались обычно евреи и дети кустарей.

Аналогично предыдущему пункту представляется некорректным разделение женщин-оппозиционеров и по уровню образования. Стоит

отметить, что лишь немногие имели высшее образование. Большинство окончили только церковно-приходскую школу или занимались самообразованием.

Исследование показало, что причин, по которым женщины принимали участие в зиновьевской оппозиции, было несколько. Во-первых, это крестьянский вопрос. Так как большинство участниц так или иначе были выходцами из крестьян или же имели родственников в деревне, то те решения аграрного вопроса, в особенности борьба с кулаком, которые предлагал Г.Е. Зиновьев и его сторонники, импонировали им. Во-вторых, личность руководителя Ленинграда также играла определенную роль. Наконец, не стоит забывать и о родственных отношениях, о которых речь пойдет дальше. Что касается тезиса о противостоянии Ленинграда и Москвы, то он не являлся основополагающим для участия в зиновьевской оппозиции. Без сомнения, он сыграл определенную роль на начальном этапе конфронтации, но в дальнейшем отошел на задний план.

Участниц зиновьевской оппозиции можно условно разделить на тех, кто поддерживал Г.Е. Зиновьева вместе с другими членами его семьи, и тех, кто действовал самостоятельно, даже находясь в конфликте с родственниками. К числу первых можно отнести в первую очередь Е.М. Борьян, З.И. Лилину, Б.С. Канатчикову. Первая была женой Д.А. Саркиса – руководителя Московско-Нарвского райкома Ленинграда и главного теоретика «орабочения партии». З.И. Лилина была второй супругой Г.Е. Зиновьева, а Б.С. Канатчикова была замужем за бывшим ректором ленинградского Комвуза С.И. Канатчиковым.

У других женщин также в оппозиции участвовали мужья и братья. Супруги Р.Р. Васильевой, М.М. Гусевой, М.С. Дорфман, Р.А. Каплан, Н.Л. Макаровой, Е.А. Моникайнен, Л.П. Моториной, М.Я. Натансон, А.Н. Скноповой, брат З.Х. Бурого отстаивали позиции зиновьевской группы. Причем особое положение было у Н.Л. Макаровой. Если муж Л.П. Моториной был секретарем Г.Е. Зиновьева, то П.П. Макаров был связным оппозиции (группа сторонников блока с Л.Д. Троцким) и занимался вербовкой и координацией действий зиновьевцев¹⁷.

Бывали случаи включения в группу оппозиционеров через семью и других лиц. Так, из личного дела А.А. Сметаниной видно, что ее вхождение в оппозицию стало возможным благодаря проживанию в одной квартире с Р.А. Каплан и Г.В. Жигаревым¹⁸. При этом последний участвовал в оппозиции очень короткое время – как представитель ленинградской делегации на XIV съезде РКП(б). В дальнейшем, как и жена, он отошел от зиновьевцев.

Известен и эпизод проявления «семейственности» у рядовых зиновьевцев. Так, одной из оп-

позиционерок вменялось в вину не только «антипартийное поведение» и «фракционность», но и факт помощи другому оппозиционеру. Последний якобы был ее мужем, хотя официально состоял в браке с другой женщиной и имел там детей. Причем жена знала об этом и даже получала материальную помощь от «любовницы» после ареста супруга¹⁹.

Но были и определенные конфликты между близкими друг другу людьми, возникавшие на почве участия в оппозиции. Например, В.А. Трушкину было в 1935 г. вменено в вину то, что он не донес на свою жену, которая участвовала в зиновьевской фракционной группировке²⁰. При этом в дальнейшем он всячески отрицал какую-то связь с ней и даже требовал развода²¹.

Собственно первым актом участия женщин в зиновьевской оппозиции можно считать действия ленинградской делегации на XIV съезде РКП(б). В ее состав вошли 7 женщин²², включая Н.К. Крупскую. Под требованием содоклада подписались 43 человека, в том числе М.А. Королева, Б.Л. Садовская, Д.Л. Козлова-Пассек²³. Одна подпись неразборчива, но анализ личных дел членов делегации от Ленинграда заставляет предположить, что она принадлежит мужчине. Также вполне вероятно, что подписалась и А.С. Булыгина, что и предопределило ее включение в список, так как фамилия Булычева в тексте стенограммы – скорее всего, одна из множества опечаток.

Другое дело, что после съезда мало кто из делегатов продолжил оппозиционную борьбу. Лишь Б.Л. Садовская и М.В. Поздеева продолжили «антипартийную» деятельность.

Непосредственное противостояние между зиновьевцами и большинством ЦК, начавшееся в конце декабря 1925 г. и продолжавшееся до февраля 1926 г., тоже не прошло без участия женщин. Так, до определенного момента активно выступала З.И. Лилина, однако в Выборгском районе, вставшем на позицию большинства съезда, ее чуть ли не освистала молодежь²⁴. В дальнейшем, если верить дневнику К.И. Чуковского, она больше была занята спасением «Мухи-Цокотухи», нежели помощью своему супругу²⁵.

В этот же период наиболее активно себя проявила Ю.Б. Тартаковская, которая даже была удостоена именной статьи за оппозиционность в «Ленинградской правде»²⁶. Кроме нее такая честь была оказана лишь А.И. Александрову и Б.С. Блинкову²⁷.

Г.Е. Зиновьев после своего смещения пытался оказать поддержку некоторым оппозиционерам. Так, им была отправлена вместе со своим посланием копия письма и выписки из Биржи труда делегатки XIV съезда РКП(б) А.А. Петерсон в ЦКК ВКП(б). В этих документах²⁸ была прямая апелляция к В.И. Ленину, к тому, как он поступал с запутавшимися. Указывалось, что ЦК партии

большевиков доходит до того, что не дает бывшим оппозиционерам устроиться даже на завод рабочим. К сожалению, чем закончилось дело в отношении А.А. Петерсон, остается неизвестно, так как ответа ЦКК ВКП(б) в личном деле не сохранилось.

Деятельность оппозиционерок была различной. В большинстве случаев они занимались классической, с точки зрения ЦК ВКП(б), фракционной работой: ходили на тайные собрания, организовывали таковые, знакомились с запрещенной литературой, распространяли ее, вербовали новых оппозиционеров.

Так, во время вскрытия первых подпольных собраний оппозиционеров в 1927 г. была выявлена группа лиц, занимавшаяся печатанием и распространением запрещенных ЦК ВКП(б) текстов. Входившая в эту группу Н.П. Кочулаева получила строгий выговор с предупреждением за то, что была машинисткой и перепечатывала «Завещание Ленина»²⁹.

Попытки вербовать сторонников предпринимала и М.В. Поздеева, переведенная на работу в Сызрань³⁰. Однако она не встречала сочувствия, так как сама оппозиция начала раскалываться. Г.Е. Зиновьев решил идти на союз с Л.Д. Троцким, что вызвало недовольство части его сторонников и привело к первому расколу зиновьевской оппозиции.

1926-1927 гг. прошли в Ленинграде и по стране в целом под флагом активизации оппозиционеров. В то же время отношение к зиновьевцам изменилось. Так, одна из участниц Буферной группы³¹, историк С.А. Лотте, скептически отзывалась о З.И. Лилиной, считая ее не всегда правой³². Троцкисты также не считали позицию своих «конкурентов» сильной³³. Сами зиновьевцы хоть и обещали собрать 500-600 своих сторонников к демонстрации 7 ноября 1927 г.³⁴, но по факту лично Г.Е. Зиновьев контролировал только 150 человек³⁵, а все остальные или отошли от оппозиции, или переметнулись в другие группы, или же создали самостоятельные фракции.

З.Н. Гайдеровой в это время проводились подпольные собрания на ее квартире, за которые она была исключена из партии³⁶. О.Д. Радченко провела на подобное собрание в Ленинграде З.И. Лилину и за это в 1930-е гг. была внесена И.В. Сталиным в списки по II категории, получив 10 лет заключения³⁷.

После XV съезда ВКП(б), исключившего активных оппозиционеров, деятельность зиновьевцев пошла на спад. Другое дело, что репрессии против них начали набирать обороты. Так, в 1928 г. к борьбе против оппозиции подключилось ОГПУ, которое уже не просто контролировало деятельность «антипартийных» групп, но и начало их арестовывать. В декабре того же года были арестованы и высланы из Ленинграда на 3 года 33 человека, включая 6 женщин³⁸. Лишь три

из них когда-то имели отношение к зиновьевцам, в то время как другая половина тяготела к украинским троцкистам. Только Р.Р. Васильева вместе с мужем В.Г. Лукиным были освобождены в мае 1929 г.³⁹, остальных держали в ссылке или в заключении дольше.

В апреле 1933 г. ОГПУ в Ленинграде было арестовано 50 человек, включая как реальных фракционеров, так и людей, никакого отношения к таковым не имеющих⁴⁰. Среди них – коллега Б.С. Канатчиковой по Губоно и соратник по оппозиции С.Б. Раскина⁴¹. Это дело также ударило и по М.Я. Натансон. Она была арестована и исключена из партии, а в вину ей вменялось то, что она входила в организационный центр ленинградской оппозиции. За нее попытался вступить ее муж, А.И. Анишев, но его также исключили из партии⁴². Сама М.Я. Натансон вначале считала, что все это ошибка следствия, пока не ознакомилась с данными Ленинградской ГубКК. После этого она написала письмо в ЦКК ВКП(б) на имя М.Ф. Шкирятова⁴³, в котором указала, что следствие ведется небрежно или же априори неправильно. Она утверждала, что обвинения строятся на данных ее бывших однокурсников, с которыми она с августа 1930 г. не имеет никаких контактов и даже не знает о том, что они находятся в Ленинграде. Письмо заканчивалось тем, что если центр оппозиции и есть, то ОГПУ и ЦКК ВКП(б) его еще не нашли, а арестовали ни в чем неповинного человека.

Зачастую попытки использовать женский фактор доходили до абсурда. Так, П.Н. Сурова пытались обвинить в том, что он устроил у себя на квартире вечеринку с алкоголем и женщинами. При этом обвинение было сформулировано так, чтобы перевести нарушение партийной этики в преступление против партии (тайное собрание фракционеров). Однако в ходе разбора этого дела коллеги по работе доказали, что ничего антипартийного тут нет и не было⁴⁴.

Ситуация резко меняется после убийства С.М. Кирова. Женщины активно использовались для того, чтобы формировать вокруг них и с их участием группы оппозиционеров-террористов. Так, была задержана Е.С. Куклина – сестра одного из лидеров зиновьевцев А.С. Куклина. В ходе допроса она написала заявление, в котором признавала факт связи ее брата, приехавшего несколько месяцев назад в Ленинград по работе, с членами «Ленинградского центра»⁴⁵. Документ, как и многое созданное в период репрессий 1935-1936 гг., вызывает сомнения в том, что он написан не под давлением сотрудников госбезопасности.

В ходе выявления бывших оппозиционеров ЦК ВКП(б) и органы НКВД делали все возможное, чтобы найти зиновьевцев. Однако не всегда это удавалось сделать. Так, попытки найти Д.Л. Козлову-Пассек, видимо, не увенчались успехом⁴⁶.

Тем не менее многих старых «фракционеров» найти удалось. В частности, об этом свидетельствует дело «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». В состав этого «центра», по версии УГБ НКВД по ЛО, вошли не только бывшие оппозиционеры, но и родственники Л.В. Николаева и случайные люди, нужные следствию для формирования связей. Среди женщин были арестованы З.Н. Гайдерова – одна из виднейших практиков зиновьевской оппозиции, уже неоднократно упоминавшаяся Р.Р. Васильева (опять вместе с мужем), Ю.Б. Тартаковская, М.В. Поздеева и А.П. Костина. Последняя не была оппозиционером, но имела важное значение для разгрома разного рода контрреволюционных объединений. Будучи женой И.П. Бакаева, она идеально подходила на роль того недостающего элемента, который бы связывал «Ленинградский центр» с «Московским».

Во время «кировского потока» оппозиционеры активно шельмовались в печати и на партийных собраниях коллективов. Так, А.Ф. Никишиной было предъявлено не только обвинение в неправильной позиции во время дискуссии, но и факт ее замужества с бывшим колчаковским офицером⁴⁷. При этом никого не волновало то, что брак продлился всего три года и женщина была замужем уже за другим мужчиной.

Нападая на мужей, ликвидаторы оппозиции не забывали и их жен. Так, в «Ленинградской правде» появилась статья о Н.М. Моторине с обвинением его в участии в зиновьевской группировке⁴⁸. Несмотря на покаянное письмо в Академию наук СССР он все же был арестован. Была арестована и выслана его супруга, Л.П. Моторина, которой вменили в вину также факт ее членства в партии левых эсеров в 1917 г.⁴⁹

Единственный случай, когда женщине удалось отстоять бездоказательность обвинения в свой адрес, был связан с О.И. Ильиной. Ее восстановили в партии, и в дальнейшем никаких вопросов к ней не было⁵⁰. По воспоминаниям А.Э. Краснова-Левитина, везло тем, кто болел или просто отсутствовал в период голосования за ленинградскую делегацию, ибо практически все считали, что Ленинград в 1925 г. атакуют со всех сторон и что оппозиционеры правы⁵¹.

В определенной степени повезло и тем женщинам, чьи мужья умерли до начала «кировского потока». В частности, М.С. Вилесов попал в 1933 г. под трамвай⁵², а его супруга стала получать персональную пенсию вследствие гибели мужа и репрессирована не была. Аналогичный случай произошел и с вдовами К.И. Шелавина и Г.В. Цыперовича. Хотя последний и не являлся активным зиновьевцем, в период дискуссии он четко не определился, на чью сторону встать и не солидаризировался с Г.Д. Вейнбергом и другими сторонниками ЦК ВКП(б).

Но подобные эпизоды были единичны. Напротив, партийные инстанции всячески стремились избавить коллективы от реальных и мнимых оппозиционеров. В частности, одну из девушек обвинили в участии в зиновьевской оппозиции и исключили из членов ВКП(б), несмотря на то, что, по некоторым данным, она отсутствовала на работе в период дискуссии, так как была беременна⁵³.

Исследование подтвердило, что после декабря 1934 г. в порядке вещей было массовое исключение оппозиционеров не только из партии, но и из учебных заведений. Так, были удалены из вузов жена К.В. Нотмана⁵⁴ и сестра М.М. Цвибака⁵⁵. П.Л. Хорькова, учившаяся на III курсе аспирантуры и писавшая диссертацию по Степенной книге, была исключена из ЛИФЛИ. При этом вначале ее научным руководителем указывался Б.Д. Греков⁵⁶, однако администрация решила возложить всю вину на другого специалиста, бывшего троцкиста С.Г. Томсинского⁵⁷, который задним числом сделался руководителем ее научной работы.

Как же сложилась судьба женщин, участвовавших в зиновьевской оппозиции? Из анализируемых документов стало видно, что лишь одна из них достоверно умерла еще до начала массовых репрессий. Это была З.И. Лилина, скончавшаяся от рака легких в мае 1929 г. Однако ее смерть освещалась в прессе довольно слабо, несмотря на то, что хоронили ее с почестями⁵⁸. Это особенно заметно стало при сопоставлении с тем, как отреагировали периодические издания на смерть И.Е. Котлякова, умершего меньше чем через месяц после З.И. Лилиной.

Судьба 29 женщин, то есть, почти половины выборки, неизвестна. Их имена не фигурируют в мартирологах и сталинских списках. 9 оппозиционеров были арестованы и расстреляны в 1936-1938 гг. Показательна в этом судьба Б.Л. Садовской, которая вначале была реабилитирована⁵⁹, а потом вновь арестована и приговорена к высшей мере наказания⁶⁰.

До Великой Отечественной войны умерло еще две женщины. С.Б. Раскина, по данным реабилитационной комиссии, умерла в заключении в 1937 г.⁶¹ З.Х. Бураго, по данным одного из генеалогических сайтов, скончалась в 1939 г.⁶² В заключении также, но уже во время войны, умерла Т.В. Бурцева, находившаяся в Соль-Илецкой тюрьме⁶³.

Во время войны нацистской Германии и Советского Союза две женщины (А.И. Богданова и О.И. Ильина) умерли от истощения в блокадном Ленинграде⁶⁴. В.П. Заварькина пропала без вести на фронте⁶⁵. Возможно, в это же время ушли из жизни еще четыре зиновьевки, сведения о которых прерываются в 1937-1940 гг.

В 1940-е гг. многие выжившие оппозиционеры были повторно репрессированы. В 1946 г. фик-

сируется последнее упоминание о А.Б. Зеловой⁶⁶. В 1949 г. вновь, на основании обвинений 1930-х гг., были осуждены О.Н. Короткова, Н.П. Кочулаева, О.Д. Радченко и Л.С. Стефанова. Известно лишь, что только О.Д. Радченко сумела вернуться в 1956 г. в Ленинград и, видимо, прожила там еще несколько лет⁶⁷. В 1963 г. в Ленинграде умерла другая оппозиционерка – А.С. Азарова⁶⁸.

Нахождение в заключении подорвало психическое и физическое здоровье женщин-оппозиционерок. Так, Н.А. Оцуп, по воспоминаниям ее приемного сына, живя в ссылке в Средней Азии, проявляла себя, как и раньше, как ярая сторонница советской власти и И.В. Сталина⁶⁹. Она была арестована, как и остальные фракционеры, в 1935 г. Очевидно, наводкой послужило признание лидера зиновьевцев Ленинградского Горного института Г.П. Сафронова, упомянувшего в автобиографии о ее связи с оппозиционерами⁷⁰. Н.И. Берберова, одноклассница Н.А. Оцуп, считала, что она погибла в 1930-е гг.⁷¹, но на самом деле бывшая зиновьевка прожила до 1958 г., пока не умерла в Ленинграде в очереди за обувью⁷².

В 1968 г. умирает Л.П. Моторина. Она пережила мужа на 32 года. Н.М. Моторин был арестован в 1936 г., и НКВД запросил еще дополнительное время на то, чтобы «доследовать» его дело⁷³. В конечном итоге этнолог признался в связях с И.П. Бакаевым и «Московским центром», а также в убийстве С.М. Кирова. В 1936 г. его расстреляли⁷⁴. Жена же, проведя много лет в заключении, скончалась на Кавказе от сердечного приступа⁷⁵.

В период «оттепели» выжившие жены оппозиционеров всячески пытались содействовать реабилитации своих супругов. Так, жена Г.Ф. Федорова вела активную переписку с ЦК КПСС и советскими историками. Ей удалось добиться реабилитации мужа по всем делам. Помимо этого она стремилась создать положительный образ Г.Ф. Федорова как члена Петербургского комитета РСДРП(б), имевшего членский билет за №1. В частности, она критиковала работы историков Л.М. Карамышевой и М.П. Ирошников за фактические неточности и отсутствие упоминаний о реабилитации ее супруга⁷⁶.

Сами же женщины зачастую испытывали сложности в реабилитации. Аресты и наказания производились довольно быстро и не всегда сопровождались необходимыми документами. Так, В.Д. Пичурина была выслана в 1935 г. на 5 лет из Ленинграда, хотя никакого обвинительного заключения не было. Высылали ее в связи с фактом участия ее мужа, Ф.Д. Пичурина, как делегата в XIV съезде РКП(б) от Ленинграда и активного зиновьевца. Благодаря сообразительности следователя, она изложила на бумаге весь процесс ее высылки. Этот документ и послужил для Ленинградского областного суда основанием для реабилитации⁷⁷.

Посмертно были переизданы автобиографические произведения Р.Р. Васильевой⁷⁸. Имя З.И. Лилиной также было частично реабилитировано, в отличие от ее мужа и сына. Л. Пантелеев, всегда с теплотой относившийся к ней⁷⁹, получил возможность переиздать «Республику ШКИД», в которой З.И. Лилина была эпизодическим персонажем.

Последней женщиной из числа зиновьевской оппозиции ушла из жизни жена Д.А. Саркиса – Е.М. Борьян. Перенеся повторный арест в 1940-х гг., она все же пережила супруга и умерла в сентябре 1970 г.⁸⁰

Подводя итоги судеб участниц зиновьевской оппозиции, следует сказать о еще одном важном факте. Никто из женщин не стал идейным теоретиком оппозиции. Все они были или рядовыми «фракционерами», или же лидерами-практиками. Никто из них не создал программного документа или некоего «кредо». Да, З.И. Лилина, З.Н. Гайдерова и Б.С. Канатчикова опубликовали свои брошюры и труды. Однако ни одна из их работ не затрагивала напрямую те партийные вопросы, по которым существовали разногласия между оппозицией и большинством партии (сталинцами). Так, З.Н. Гайдерова писала лишь про Парижскую коммуны, а две другие зиновьевки – про женский вопрос. Жена Г.Е. Зиновьева хотя и писала о В.И. Ленине и проблемах детства, также не шла в этих вопросах в отрыве от «генеральной линии».

Участие женщин в зиновьевской оппозиции кажется минимальным, так как их было меньше, нежели мужчин. Однако определенную роль в борьбе этой группы они сыграли. Наравне с мужчинами они отстаивали идеи демократии и реформ в том виде, в каком они их понимали. Вместе с другими оппозиционерами они также несли наказания: их исключали из партии, высылали за пределы Ленинграда, а также физически уничтожали во время сталинского террора. Лишь некоторые из них пережили это время и были реабилитированы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф.1728. Оп.1. Д.45 146/1. Л.7. Однако данные этого оппозиционера о вхождении в число зиновьевцев противоречат данным о его исключении из партии за оппозиционность еще в 1927 г. (Там же. Д. 45 823/1. Л.4.). Тем не менее анализ личных дел показал, что к 1928 г. активность оппозиции вследствие репрессий со стороны ЦК ВКП(б) привела к распаду зиновьевской группы и образованию множества независимых фракций и групп.

² См., напр.: *Быстрянский В.* К III выпуску зиновьевцев // Ленинградская правда. №110. Суббота, 15 мая 1926 г. С.3. Сам термин применительно к студентам исчезнет после переименования Комвуза.

- ³ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.477 451/3. Л.7-8.
- ⁴ Там же. Д.78 855/3. Л.22.
- ⁵ Речь тов. А.Г. Тильбы (Комбайнер, Башкирская АССР) // Правда. №311. Понедельник, 2 декабря 1935 г. С.3.
- ⁶ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.373 134/3. Л.1.
- ⁷ Там же. Д.373 134/1. Л.1, 5.
- ⁸ Там же. Д.727 909/5. Л.4.
- ⁹ Выборка базируется на следующих личных делах (без разделения на литерные): ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.777 826; Д.272 508; Д.826 847; Д.830 528; Д.830 775; Д. 51 987; Д.395 783; Д.854 444; Д.852 643; Д.554 351; Д.552 891; Д.68 931; Д.113 014; Д.763 944; Д.100 903; Д.189 437; Д.694 007; Д.3 808; Д.740 259; Д.77 312; Д.724 616; Д.269 595; Д.201 377; Д.347 806; Д.334 457; Д.347 880; Д.681 731; Д.549 701; Д.98 988; Д.694 730; Д.75 813; Д.669 763; Д.551 851; Д.242 601; Д.216 610; Д.55 627; Д.201 377; Д.223 543; Д.101 957; Д.304 944; Д.430 968; Д.78 875; Д.414 587; Д.487 727; Д.109 124; Д.630 904; Д.716 313; Д.635 226; Д.168 361; Д.639 593; Д.472 006; Д.204 092; Д.247 783; Д.680 712; Д.405 701; Д.250 980; Д.27 981; Д.250 924; Д.431 990; Д.175 716; Д.305 095; Д.218 919; Д.249 289; Д.188 135; Д.297 873; Д.199 583; Д.472 411; Д.187 533; Д.42 827; Д.75 813; Д.688 781; Д.446 861; Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф.2998. Оп.1. Д.2655. Также данные личных дел сверялись с сайтами «Возвращенные имена» (<http://visz.nlr.ru/>), «Открытый список» (<https://goo.gl/sEp4kb>), «Сахаров-центр» (<https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/>), мемориала «Сандормох» (<https://sand.marofmemory.org/>), генеалогического портала Geni (<https://goo.gl/1SvmeJ>) и «Сталинских расстрельных списков» (<http://stalin.memo.ru/>).
- ¹⁰ Старая большевичка. Короткое время поддерживала Г.Е. Зиновьева и других оппозиционеров, но вскоре отошла от них. В дальнейшем на партийной и советской работе. Автор книг по женскому вопросу. Умерла в 1944 г. Похоронена в Кремлевской стене (ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.201 890/1. Л.1-6; Д.201 890/2. Л.1-24).
- ¹¹ Первая жена Г.Е. Зиновьева. Поддержала бывшего супруга только в 1927 г. В 1930-е гг. арестована и отправлена в лагерь. Умерла в 1956 г. от болезни.
- ¹² Дрязгов Г.М. На пути к комсомолу. Очерки движения рабочей молодежи в 1917 году в Петрограде. Изд. 2-е. Л., 1924. С.13.
- ¹³ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.51 987. Л.5.
- ¹⁴ Е.Г. Интеллигента, как социальной группы, в партии не должно быть // Рабочая Москва. №213. Пятница, 18 сентября 1925 г. С.3.
- ¹⁵ См. Громыко А.А. Памятное. Кн.1. М., 1988. С.11.
- ¹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.830 775/7. Л.5.
- ¹⁷ Правда, она всячески отрицала связь с мужем после 1920 г. (Там же. Д.101 957. Л.5.).
- ¹⁸ Там же. Д.305 095. Л.1.
- ¹⁹ Там же. Д.249 287/1. Л.7.
- ²⁰ Там же. Д.10 698. Л.5.
- ²¹ Там же. Л.6.
- ²² Возможно, что Л.К. Довторт – тоже женщина, так как в Ленинграде на тот момент проживало два партийца с такой фамилией и инициалами (мужчина и женщина соответственно). Если это так, то и число делегатов возрастает до 8 человек.
- ²³ XIV Съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М., 1926. С.96.
- ²⁴ ЦГАИПД СПб. Ф. К-601. Оп.1. Д.616. Л.20.
- ²⁵ Чуковский К.И. Дневник. Т.2. 1922-1935. М., 2012. С.264.
- ²⁶ Волков И. «Тартаковская демократия» // Ленинградская правда. №8. Воскресенье, 10 января 1926 г. С.2.
- ²⁷ Чадаев В. Похождения Александрова, Блинкова и К° (На «Путиловце») // Там же. №14. Воскресенье, 17 января 1926 г. С.2.
- ²⁸ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.247 783/1. Л.13-14.
- ²⁹ Там же. Д.75 813/1. Л.1.
- ³⁰ Там же. Д.100 903/1. Л.5.
- ³¹ Группа, образовавшаяся, предположительно, только в 1927 г. Стояла на отличной позиции от других оппозиционных формирований, требуя лишь реформы Оргбюро ЦК ВКП(б). С точки зрения сторонников «генеральной оппозиции» просто разновидность троцкистской оппозиции.
- ³² Там же. Д.338 775/3. Л.15об.
- ³³ Там же. Д.78 855/3. Л.21-22.
- ³⁴ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С.259.
- ³⁵ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.12 272/1. Л.7.
- ³⁶ Там же. Д.68 931/4. Л.3.
- ³⁷ Список лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного суда Союза С.С.Р. от 27 марта 1937 года // <http://stalin.memo.ru/spiski/pg01051.htm> (Дата обращения: 02.04.18).
- ³⁸ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.474 210. Л.12-23.
- ³⁹ Там же. Л.17.
- ⁴⁰ Там же. Д.201 377/6. Л.23-32.
- ⁴¹ Там же. Л.18.
- ⁴² Там же. Д.30 807/2. Л.6.
- ⁴³ Там же. Д.539 996/3. Л.5-5об.
- ⁴⁴ Там же. Д.409 344/3. Л.3.
- ⁴⁵ Там же. Д.69 352/3. Л.3об-4об.
- ⁴⁶ Там же. Д.323 560. Л.2.
- ⁴⁷ Там же. Д.168 361/1. Л.2.
- ⁴⁸ Заранкин П. Под крылышком Маторина // Ленинградская правда. №24. Вторник, 29 января 1935 г. С.3.
- ⁴⁹ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.109 124. Л.17.
- ⁵⁰ Там же. Д.269 595/6. Л.3.
- ⁵¹ Краснов-Левитин А.Э. Лихие годы. 1925-1941. Воспоминания. Paris, 1977. С.311.
- ⁵² ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.865 866. Л.12а.
- ⁵³ Там же. Д.697 374. Л.17.
- ⁵⁴ Там же. Д.633 087/5. Л.4.
- ⁵⁵ Там же. Д.252 341/2. Л.20.
- ⁵⁶ Там же. Д.252 411. Л.5.
- ⁵⁷ Там же. Л.6.
- ⁵⁸ Похороны тов. Лилиной // Ленинградская правда. №120. Среда, 29 мая 1929 г. С.2.
- ⁵⁹ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.431 990/4. Л.5.
- ⁶⁰ Садовская-Хлебосолова Бронислава Львовна // <http://visz.nlr.ru/person> (Дата обращения: 02.04.18).
- ⁶¹ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.201 377/6. Л.18.
- ⁶² Зинаида Христофоровна Бураго // <https://goo.gl/u24FrV> (Дата обращения: 02.04.18).
- ⁶³ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.51 987. Л.5-6.
- ⁶⁴ Анна Ивановна Богданова // <http://visz.nlr.ru/blockade/book/2/25280> (Дата обращения: 02.04.18); Ильина Ольга Ильинична (1893 г.р.) // <http://visz.nlr.ru/blockade/book/10/22180> (Дата обращения: 02.04.18).
- ⁶⁵ Заварыкина Вера Павловна // <https://goo.gl/PXZTzk> (Дата обращения: 02.04.18).
- ⁶⁶ Зелова Анастасия Борисовна // <https://bessmertnybarak.ru/books/person/114875/> (Дата об-

- ращения: 03.04.18).
- ⁶⁷ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.250 924. Л.10.
- ⁶⁸ Там же. Д.777 826/2. Л.4.
- ⁶⁹ Фингер А. Сын, отец и пять матерей. [Б.м.], 2005. С.7-8.
- ⁷⁰ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.408 862/5. Л.22.
- ⁷¹ Берберова Н.Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2016. С.83, 107.
- ⁷² Фингер А. Сын, отец и пять матерей. [Б.м.], 2005. С.55-56.
- ⁷³ ЦГАИПД СПб. Ф.1728. Оп.1. Д.252 943/1. Л.25.
- ⁷⁴ Там же. Д.109 124. Л.23.; Д.252 943/1. Л.7-8.
- ⁷⁵ Там же. Д.109 124. Л.22.
- ⁷⁶ Там же. Д.773 529. Л.22, 38.
- ⁷⁷ Пичурин Л.Ф. Опечатка // *Его же*. «Минувшее прохо-
дит предо мною...» Избранное. Томск, 2014. С.32.
- ⁷⁸ Васильева Р.Р. Первые комсомолки: Воспоминания; Фабрично-заводские: Главы из автобиографической повести. Л., 1971. 238 с.
- ⁷⁹ Об этом свидетельствует, в частности, следующая фраза из его письма: «Да, из города Цюриха, из того самого Цюриха, где З.И. Лилина покупала когда-то с Надеждой Константиновной Крупской свою голубую кофточку. Помните этот ее рассказ?» (А.И. Пантелеев – Л.К. Чуковской // Л. Пантелеев – Л. Чуковская. Переписка (1929-1987). М., 2011. С.335.).
- ⁸⁰ Борьян Евгения Мартыновна // <http://old.memo.ru/history/arkiv/op1010.htm> (Дата обращения: 03.04.18).

WOMEN AND ZINOVIEVIST OPPOSITION IN LENINGRAD: A PROSOPOGRAPHIC STUDY

© 2018 A.Yu. Stefanenko

Saint-Petersburg State University

The article is based on the materials of personal files of members of Zinovievist opposition; it contains the analysis of composition of that group and the attempt to track the fates of its feminine members. The author analyses the national and age composition of group, and the party experience of its feminine members (the time of joining the Bolshevik Party). The article embraces the period of 1924-1970 years, from the formation of the Zinovievist opposition till the death of the last feminine participant. The paper begins with the examination of the term «Zinovievist» and its evolution that allows to justify the selection of personal files for a study. The author reveals that after the Kirov assassination the number of «Zinovievists» had increased dramatically, because the Central Committee of All-Union Communist Party and NKVD deliberately classified the members of other faction group and even their relatives as «Zinovievist»

Keywords: Political struggle in RCP-VKP, G.E. Zinoviev, Z.I. Lilina, Opposition, Women, Repressions.